

В сборниках, содержащих эти произведения, русский читатель знакомился как с огромным количеством европейских и восточных сюжетов, так и с новыми приемами построения сюжета. В переводной повести мы имеем обычно развернутый рассказ с большим количеством действующих лиц, со сложными отношениями между ними, с рядом перипетий в их судьбе. Только фацеции, представляющие собой в большинстве, как известно, очень коротенькие рассказы и сообщающие читателю какой-либо один эпизод, одно событие, самым своим характером исключают возможность сложного построения сюжета.

Переводная литература, и в частности переводная повесть, нашла широкое распространение среди русских читателей и была любимым чтением как в XVII, так и в XVIII в. Особой любовью пользовался сборник «Великое Зерцало». Об этом свидетельствует наличие огромного количества списков как всей книги, так и отдельных повестей из нее, вошедших в другие сборники. Католический по своему происхождению, этот сборник был близок русскому читателю своей средневековой тематикой и фантастикой. Нравоучительный характер новелл, вошедших в «Зерцало», и их фантастика напоминали русским читателям легенды переводных и русских патериков, прологов и других сборников житийной и учительной литературы. Очень разнообразные по своим сюжетам, новеллы «Великого Зерцала» все же имеют в этом отношении некоторые однородные черты, их сближающие. Это объясняется, без сомнения, единством цели, которую преследовали их создатели, и общностью их мировоззрения. Конфликт новеллы в «Зерцале» чаще всего строится на противоречии между нравственным идеалом и реальным поведением человека в жизни, при этом как в ходе развития действия, так и при разрешении конфликта широко привлекается религиозная фантастика, а поступки людей совершаются под непосредственным воздействием божественной или бесовской силы.

Одним из приемов, часто используемых здесь, является прием умолчания, благодаря которому таинственное явление не сразу осознается как героем новеллы, так и читателем и раскрывается только в конце. Это придает рассказам особую занимательность, чем отчасти объясняется широкая популярность новелл сборника среди русских книжников.

Характерно, что повести «Великого Зерцала» привлекли внимание и художников-миниатюристов: в некоторых списках они сопровождаются миниатюрами.

К иллюстрации русские книжники обращались и ранее; известны такие лицевые рукописи XVI в., как Житие Сергия Радонежского, «Казанская история», Никоновский летописный свод. Но там иллюстрировались произведения исторические, рассказывающие о событиях большой государственной важности; в миниатюрах, сопровождающих переводную новеллу XVII в., мы видим другое: в них, как и в новелле, говорится о простых людях, об их частной жизни. Этот интерес характерен как для изобразительного искусства, так и для литературы XVII в.

Иллюстрации к переводной новелле появляются в прямой связи с растущим интересом к рисунку, который наблюдается в русском обществе начиная с XVII в. В это время роскошно иллюстрируется книга о воцарении Романова, сопровождаются рисунками многие списки жития царевича Димитрия, пишутся иллюстрации к библейской истории об Эсфири, «из царских палат перешедшие в быт».¹ Но это опять произведения, в которых

¹ См. неопубликованный доклад Е. С. Овчинниковой «История Эсфири в живописных памятниках XVII века», прочитанный ею 10 апреля 1957 г на заседании группы по изучению древнерусской литературы ИМЛИ